

Дамаданова Х. Д., Юнусова К. А.
Махачкала

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Ключевые слова: этносоциальный, идентификация, национально-русское двуязычие, формирование личности.

Аннотация. Адекватная, аутентичная этноязыковая идентификация личности дагестанца обязательно предполагает учет детерминирующего значения той среды, частью которой он является, то есть дагестанского народа. При этом мы исходим из непреложной истины, что человек является не механической составляющей общества, в котором он родился, рос, живет и работает, принадлежность к которому сам признает, а полноценным выразителем быта, обычаев, традиций, образа мыслей, стереотипов поведения, духовно-эстетических идеалов и патриотических порывов народа.

Damadanova H. D., Yunusova K. A.
Makhachkala

ETHNO-SOCIAL FACTORS OF IDENTIFICATION IN THE CONDITIONS OF NATIONAL-RUSSIAN BILINGUALISM

Keywords: ethno-social, identification, national-Russian bilingualism, formation of personality

Summary. Adequate, authentic ethno-linguistic identification of a person of a Dagestani necessarily involves consideration of determining meaning of the environment, the part of which he is, that is, people of Dagestan. We proceed from the indisputable truth that a man is not the mechanical part of the society in which he was born, grew up, lives and works, belonging to which he admits, but a man is a full-meaning expression of life, customs, traditions, way of thinking, behavioral stereotypes, spiritual and aesthetic ideals and patriotism of the people.

Николай Бердяев, сетуя на то, что в консервативной русской мысли не было самосознания личного духа, писал: «Идея, смысл раскрывается в личности, а не коллективе, и народная мудрость раскрывается на вершинах духовной жизни личностей, выражающих дух народный. Без великой ответственности и дерзновения личного духа не может осуществляться разви-

тие народного духа... Величайшие русские гении боялись этой ответственности личного духа и с вершины духовной падали вниз, припадали к земле, искали спасения в стихийной народной мудрости» [6].

В общественном сознании дагестанцев и рассуждениях авторов научных работ, непосредственно касающихся дагестанского народа, нет единства понима-

ния его сущности, а его научно-теоретическая дефиниция сводится к фрагментарной констатации тех или иных характерологических черт. Более того, наблюдаются полярно противоположные взгляды на онтологию самого феномена: одни считают дагестанский народ древним явлением, по словам других, его предстоит создавать на тех или иных началах, идеях с помощью тех или иных движущих сил, пассионариев. Поэтому в содержании понятия «дагестанский народ» следует акцентировать его этногенетическую и историко-культурную общность, так как в публицистическом обиходе оно чаще подразумевает население, обитающее на определенной территории в данное время.

Обобщающей характеристики дагестанский народ еще не получил, хотя он рассматривается не только в любительских упражнениях неспециалистов, но и в серьезных научных трудах ученых.

Справедливости ради отметим, что приятным исключением из этого является концепция М. Г. Алиева, хотя все же изложенная в разных статьях, выступлениях, интервью не как цельнооформленное определение [5]. Несомненным вкладом в научно-теоретическое осмысление дагестанского народа следует считать работу Р. М. Магомедова «Единство народов – великое благо Дагестана» [11].

Итак, нам предстоит рассмотреть мнения ряда авторов о дагестанском народе, прежде чем изложить собственную точку зрения, в частности Р. М. Магомедова, Р. Г. Абдулатипова, М. Г. Алиева, А. А. Абдуллаева, Г. И. Магомедова, М. Г. Магомедова, С. Исрапилова.

Правильному осмыслению дагестанского народа как исторической этносоциальной и культурной общности мешает пресловутый скепсис по отношению к недавнему нашему прошлому. Имеем в

виду вульгарную практику современных обществоведов извращенно преподносить концепцию дагестанского народа как попытку приписать ему характер искусственно создаваемого суперэтноса, несмотря на то что и в советское время и в наши дни разговор об уникальной исторической общности – дагестанском народе – не встречается без оговорки, что это не этническое образование.

В Дагестане проживают 14 относительно крупных этносов: аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, русские, рутульцы, табасаранцы, таты, цахуры, чеченцы и 16 этнических групп, считающих себя частью того или иного относительно крупного этноса. Здесь также живет «недагестанское по этническому происхождению население – около шестидесяти национальностей России, стран ближнего и дальнего зарубежья» [5].

Какие из них являются коренными, а какие некоренными? По мнению А. А. Абдуллаева, такая постановка вопроса не совсем корректна, поскольку в условиях полиэтнического дагестанского социума подобная дифференциация практически лишена здравого смысла. Тем не менее, он считает допустимым в сугубо исследовательских целях употреблять терминологическую корреляцию: «автохтонные» (синонимы-аборигенные, исконные) – «вторичные» народы [2; 3].

«В общественном сознании дагестанцев, – пишет М. Г. Алиев, – чувство единства и целостности Дагестана сформировалось и развилось задолго до нынешнего поколения» [5]. Касаясь дагестанского народа, в другом месте той же работы автор отмечает: «*Дагестанский народ* – это не отдельный этнос. Такой национальности не существует. Но он существует как *историческая общность*. Это не спекулятивное понятие, а реальная, живая,

деятельная, самосознающая общность всех наших национальностей, социально-исторический субъект всех деяний: культуры, материального производства, искусства, более того, источник политической, государственно-правовой власти в Дагестане. Следовательно, и республиканское единство Дагестана зиждется на реальности дагестанского народа, характеризует сплав общего, тождественного, сходного и родственного в тесной связи с индивидуальным. Задача состоит в том, чтобы, тщательно исследуя историю становления и деятельности дагестанского народа во взаимодействии всех народов республики, создать в обществе обоснованную уверенность в необходимости нашей дальнейшей социально-политической, гражданской, культурно-нравственной сплоченности».

Говоря о сегодняшнем состоянии дагестанского народа как исторически сложившейся общности, А. А. Абдуллаев акцентирует внимание на таком интеграционно существенном факторе, каковым является русский язык как средство межнационального общения [4]. Особо подчеркивая оригинальность, уникальность дагестанского народа как этнического, социального, культурно-исторического и геополитического феномена, как полилингвального социума, он называет русский язык «своего рода индикатором единства живущих в Дагестане этносов» [4]. Таким образом, обоснованно отвергая мысль о том, будто дагестанский народ – это особый этнос, А. А. Абдуллаев не исключает из дефиниции данной общности элемента этничности, очевидно, исходя из исторического факта единства народов Дагестана и их языков, подразумевая под этносом «биофизическую реальность, всегда облеченную в ту или иную социальную оболочку», со своими природными формами и стереотипами поведения.

Обоснованно характеризуя даге-

станский народ как «реальную социально-культурную общность людей с русским языком, который служит ей в сферах межнационального общения, образования, в общественно-политической и культурной жизни, не зная альтернатив», он предостерегает от ошибочного вывода о том, что якобы феномен «дагестанский народ» нивелирует этноязыковые или этнопсихологические специфические признаки входящих в него народов».

О том, что дагестанцы никогда не были фанатично преданы предписаниям мусульманской религии и следовали выработанному веками кодексу народной морали, то есть адату, писали многие ученые. Ссылаясь на специальную записку фельдмаршала А. Барятинского Александру II, в которой говорилось о том, что в Дагестане сложилась поистине «одна духовная национальность», М. Г. Алиев явно преувеличивает интеграционную роль ислама и идеализирует, подобно многим тенденциозным авторам, образ Шамиля. Тот неоспоримый факт, что ни исламу и ни Шамилю принадлежит заслуга в духовном единении дагестанцев, неопровержимо доказывается тем, что большая часть Дагестана и дагестанцев не участвовала в его движении. Временное их разделение в годы Кавказской войны на сторонников Шамиля и тех, кто придерживались нейтралитета, не было разрушением вековечного их единства, которое существовало до Шамиля и продолжается после него. Об этом уместно говорить здесь, в контексте характеристики дагестанского народа, потому что сегодня в Дагестане полным ходом идет процесс исламизации общественного сознания. В условиях поликонфессионального, полиэтничного Дагестана культивирование одной религии, если даже она исповедуется большинством населения, не может не ущемлять свободу совести представителей других

религий и не смущать атеистов или нейтральных, которые не являются ни верующими, ни воинствующими безбожниками. Справедливо замечание М. Г. Алиева по этому поводу: «Одновременно дружно замолкли наши атеисты, в особенности ученые. Между тем свобода совести – это не только свобода религии, религиозных убеждений, это ведь и свобода атеизма и атеистической пропаганды, в конечном смысле – свобода пропаганды науки и светских знаний, материалистической философии и искусства, это свобода пропаганды гуманизма и гуманистических отношений между людьми [5].

В последние десятилетия утвердилась тенденция к восхвалению религии, гиперболизации ее значения в жизни народов. Особенно много пишут о православии, наделяя его всечеловечностью, судьбоносным потенциалом, считая целесообразным религиозное обучение «от детского сада до вуза». Н. Д. Никандров как сторонник этой точки зрения делает в своей статье оговорку: «Но религиозное обучение, т. е. информирование, – еще не религиозное воспитание» [12].

Если представить себе процесс обучения, к примеру христианству православного толка, то станет очевидным, что оно будет преподноситься в тех же оценках, в той пафосности, которыми отличаются суждения Н. Д. Никандрова [12]. В этом случае, как думается, чрезвычайно проблематично провести грань между обучением и воспитанием.

Явное преувеличение роли ислама в истории дагестанского народа находим в статье А. М. Магомедова «Религиозная толерантность в Дагестане»: «Исторически ислам стал этноинтегрирующей (объединяющей народы) силой формирования дагестанских народов, – пишет он, – Ислам помог сохранить национальные культуры и национальное самосознание дагестан-

ских народов на протяжении многих веков своего функционирования в Дагестане» [9].

По-видимому, автор не учитывает многого. Во-первых, дагестанский народ как полиэтнический и поликонфессиональный феномен известен с тех древних времен, когда еще не было ислама, во-вторых, не исламу обязаны дагестанцы своим культурным развитием, а светскому образованию, благодаря которому они достигли и культурнообразовательного высокого уровня, и советского патриотизма, дагестанского патриотизма тогда, когда господствовал всеобщий атеизм.

Этот автор употребляет термин **отделение церкви, мечети от государства**, не понимая разницы в значении слов **церковь** и **мечеть**. Церковь означает не только православный храм, но и объединение последователей той или иной религии, организацию, ведающую религиозной жизнью и соответствующим культом [9]. Именно вот это второе значение имеется в виду, когда говорят об отделении церкви от государства. Что же касается мечети, то она означает только лишь мусульманский храм. Формула «отделение церкви от государства» подразумевает все религии.

Известно, что религия как форма общественного сознания оказывает существенное воздействие на верующих, способствуя формированию у них национального и интернационального самосознания. Однако религию нельзя считать самодовлеющей основой духовной культуры, ибо в качестве альтернативы ей атеизм тоже восходит к истокам человеческой духовности.

Те, кто гиперболизирует прогрессивное, цивилизационное значение религии, не придают значения тому, что и православие и ислам, исповедуя самые благородные человеколюбивые нравственные постулаты, на деле служили и служат как рабски угодливые хранители

господствующей кучки людей при нищенствующем подавляющем большинстве народа. В частности, православие благословляло строй, при котором около 90 % русских жило в рабстве. При характеристике интернациональной полиэтнической дагестанской общности неизбежно возникает вопрос: каково место русского населения Дагестана в этой общности. «Оно является составной частью многонационального дагестанского народа, – отвечает на него М. Г. Алиев, – активно участвовало и участвует во всех социально-экономических, политических, научно-технических, культурных, языковых и информационных процессах в республике, служит живым мостом, соединяющим Дагестан с другими субъектами Российской Федерации и Федеральным центром» [5].

О том, что «глубинная внутренняя духовная общность у дагестанских народов – качество изначальное», – пишет Р. М. Магомедов, – наша общность – явление исконное и глубинное, в то время как подчеркиваемые ныне этнические различия между нами всегда носили второстепенный характер, а нынешняя их значимость – недавнего происхождения, она возникла как попутное следствие объективного процесса исторического развития» [9].

Хорошо известно, что институты кунака и муталима, с одной стороны, демонстрировали своим существованием единство дагестанского народа, с другой стороны, интенсивность, массовость и частотность их укрепляли это единство. Такую же роль играла меновая торговля, которая функционировала на крупных базарах. В не меньшей степени показательна разносная торговля. Это была торговля галантерейными, бакалейными товарами, фруктами и овощами как внутри однонационального региона, так и за его пределами. Так, по рассказам старшего поколения нынешних дагестанцев, их родители

хорошо помнили, как в дагестанскую глубинку привозили на верблюдах даже сырую нефть из Баку, которая необходима была для ночного освещения: ею заправляли так называемые **чирахи** – примитивные глиняные светильники.

То, что дагестанцы – единый народ, признает и Р. Г. Абдулатипов, который пишет: «исторически формировалась этнокультурная общность дагестанского народа при культурно-языковых различиях внутри него. В этом плане народы Дагестана не столько классические нации, сколько культурно-языковые составляющие единого дагестанского народа» [1]. Тем не менее, трудно согласиться с ним, когда он говорит об исламе как факторе, который «может помочь нам в создании благоприятного духовно-нравственного климата в обществе, в очищении общества от безнравственности» [Там же]. Автор почему-то не соотносит с процветанием ислама в Дагестане параллельного процесса, о котором сам же пишет: «Сегодня в России, в Дагестане до угрожающего уровня снижена цена совести, порядочности, честности, снижена цена человеческой личности. Это опасный предел, за которым последует разрушение личности, разрушение нашей самобытности» [Там же]. Никто не может утверждать, что в таких разрушительных процессах повинен ислам, однако очевидно, что он не препятствует их возникновению и развитию.

На наш взгляд, было бы заблуждением считать деятельность национальных движений в Дагестане показателем дробления единого дагестанского народа. Народы Дагестана и национальные движения нельзя отождествлять. Эти движения самораспустились, так и не решив ни одного из злободневных вопросов национальной экономики, политики, культуры и т. д. Серьезно заблуждается и тот, кто говорит о социальной силе, способной

объединить дагестанский народ, якобы расколотый на части. В этой связи кажется странным и неожиданным безапелляционное заявление Р. Г. Абдулатипова: «Задачу объединения всех дагестанцев в единый дагестанский народ призваны решать мы – политики и интеллигенция – те, кто учился за счет государства, народа и кому доверена власть от имени народа» [1]. Так он говорил на конференции, которая состоялась в январе 1997 года. Через два года после приведенного заявления Р. Г. Абдулатипова единый дагестанский народ блестяще продемонстрировал изумленному обывателю – россиянину, и всему миру – свою сплоченность, выступив против вторгшихся из Чечни боевиков и с помощью воинов Российской Армии отстояв священную землю Дагестана, России, а также убедив «политиков и интеллигенцию» в том, что не стоит угрожать себя собиранием дагестанцев в единый дагестанский народ: он сам «собрался» очень давно.

В другой ситуации можно было бы задать вопрос: «Почему политики и интеллигенция? Разве политики не часть интеллигенции?».

Свое оригинальное мнение об образовании дагестанского народа высказывает и Г. И. Магомедов: «Фактически сегодня в Дагестане не без помощи русского языка образовалась новая историческая общность людей – многонациональный дагестанский народ» [9; 10].

Концепция создания дагестанского народа, принадлежащая журналисту С. Исрапилову, отличается своей ориентированностью на будущее: «Важнейшей задачей, которую предстоит решить Дагестану, является задача дальнейшего сплочения, создания “единой надэтнической общности – дагестанцы из представителей отдельных малочисленных народов, в течение сотен лет проживающих на терри-

тории современного Дагестана”» [8]. Далее он пишет о том, что в местах совместного проживания представителей различных народов происходит смешение культур, народов в единую общность. Центром образования новой общности он считает города и равнину. Он предполагает, что «осознание дагестанским обществом стратегически важных задач своего развития может привести к появлению идеологии единства как инструмента решения конкретной исторической задачи. Выходит, сначала появится идеология, а затем, используя ее как инструмент, дагестанское общество будет формировать в городах, вообще на равнине «надэтническую общность – дагестанцы».

На наш взгляд, если бы даже не было в Дагестане единого дагестанского народа и его появление мыслилось как событие будущего времени, то не смешением бы народов и культур оно осуществилось. Надэтническое, лишенное этнических признаков – это не дагестанский народ. Он имеет свои этносоциальные корни и тысячелетнюю историю. Такое сложнейшее социально-культурное и этногенетическое образование могло быть, во-первых, детерминировано единством этноязыкового прадагестанского народа, во-вторых, следствием не только активного взаимодействия, взаимоподдержки и дружбы десятков этносов, но и развитием каждым из них собственной самобытной этничности, своего родного языка, своего мировидения и морально-этических норм. Феноменальной характерологической особенностью дагестанского народа как древней этнокультурной общности является то, что дагестанские национальности не слились в одну. Следовательно, сохранение и дальнейшее развитие коренных этнокультурных свойств – условие существования и совершенствования дагестанского народа.

В суждениях о дагестанском народе наибольший интерес представляют те, которые предлагает М. Г. Магомедов. Он констатирует очевидный для всех факт отличия родившихся и получивших образование в городах дагестанцев от традиционных горцев по взглядам, ценностной ориентации, эстетики поведения, бытовой культуре, стилю жизни.

Отмечается также утрата этнических черт родного этноса и его языка, что усугубляют в значительной мере смешанные браки. Все это он квалифицирует как «ассимиляцию малых народов в русскоязычной среде», «подспудным процессом вытеснения родных языков русским», «вульгарной космополитизацией молодых поколений», «утратой горского духа». По его мнению, дагестанцы интуитивно ощущают чужеродность русского языка. «Поэтому возможность перехода на русский язык с потерей родных языков воспринимается ими как драматическая ситуация, грозящая в итоге возможной потерей дагестанской самобытности и растворением наших этносов в людском океане России» [9].

Проект М. Г. Магомедова направлен на коренное изменение языковой ситуации в городах и полиэтнических сельских населенных пунктах введением в учебные планы «нового синтетического языка». Последний, как полагает автор статьи, должен базироваться «на грамматике и лексике наиболее распространенного из числа нахско-дагестанских языков, обогатив его лексическими заимствованиями, т. е. пойти по пути, успешно опробованному в Пакистане. Новый синтетический язык он предполагает назвать нахдагским, то есть нахско-дагестанским. «В качестве основы этого языка имеет смысл принять аккинский диалект, – пишет М. Г. Магомедов, – занимающий промежуточное положение между литературным чеченским и ингушским языками» [9].

Изобретение такого языка, по замыслу его идеолога, востребовано необходимостью «одного лидирующего языка, способного постепенно консолидировать народ, превратить его, наконец, в единую дагестанскую нацию», создать предпосылки для бесконфликтного, естественного зарождения в республике новой общности, говорящей на едином нахдагском языке». Благодаря изучению последнего Дагестан получит «настоящий прорыв в дальнейшем социокультурном развитии», более того, как пишет автор статьи, будет устранен «мощный барьер на пути консолидации его народов – беспрецедентное многоязычие».

С помощью нахдага прогнозируется перейти в городах к строительству качественно новой культурной жизни, обеспечить ту самую «критическую массу носителей языка, за которой начинается новый уровень его использования». А в сельской местности сохранится статус-кво, то есть будут преподавать родные языки, в том числе и андийские, цезские.

Для полноты представления концепции М. Г. Магомедова приведем еще заключительный абзац его статьи с претенциозным названием: «Многоязычие Дагестана: благо или проблема?»: «Гипотетическое появление нахско-дагестанского языка неизбежно повлечет за собой зарождение просвещенных поколений людей, которые искренне будут ощущать и называть себя дагестанцами, они создадут базу для обновленного культурного пространства единого Дагестана, живущего не фольклорным прошлым, а созидательным настоящим и будущим» [9].

Таким образом, на свой вопрос, которым озаглавил статью М. Г. Магомедов, дает ответ в ее содержании: «многоязычие в Дагестане не благо, а проблема, которую необходимо решить, то есть заменить однопольным». Новая дагестанская нация мыслится как носитель нового «синтети-

ческого» нахдагского языка, в основу которого ляжет чуждый дагестанцам аккинский диалект чеченского языка. Определяя именно этот диалект как основу нового языка, автор статьи исходит из того, что когда-то существовал нахско-дагестанский праязык, следовательно, аккинский диалект близок почти как родной для носителей дагестанских языков. О носителях не нахско-дагестанских языков он ничего не говорит. В принципе, они – русские, азербайджанцы, кумыки, ногайцы, таты и национальные меньшинства, то есть армяне, грузины и т. д., – остались бы вне прогнозируемой нации. Следовательно, в идее новой нации мы видим опасность двойного разделения единого дагестанского народа:

1) однопациональное сельское население не будет приобщено к нахдагскому языку, который должен изучаться в школах с разнородным составом учащихся;

2) в этих последних, да и во всех полиэтнических населенных пунктах жители городов и сел будут разделены по признаку генеалогической классификации языков: новая нация, говорящая на едином нахдаге, с одной стороны, и вышеперечисленные народы, носители языков не кавказской семьи, живущие на своей Родине – в Дагестане, – с другой.

Что же касается самой технологии создания новой нации с помощью искусственного, «синтетического», языка, то она антинаучна, нереальна, так как при всех своих уникальных свойствах язык не образует новый народ, а обслуживает тот народ, который создал его. Это значит, что он не обладает нациесозидательной силой.

Обычно говорят и пишут, что с исчезновением родного языка исчезает народ, или нет национального языка – нет самой национальности. Нельзя думать, что утрата языка – это причина утраты народа. Наоборот, исчезновение языка – это следствие исчезновения этнической

идентичности его носителями. Однако этот акт осуществляется одновременно, а не во временной последовательности. Речь идет о причинно-следственной обусловленности.

Исходя из этого, по закону обратимости, можно утверждать, что язык не приоритетен при создании нации. Объективными факторами ее формирования определяется и ее язык.

Идея М. Г. Магомедова о создании новой дагестанской нации антинаучна и вредна, ибо предполагает не только вытеснение русского языка из сферы межнационального общения, но и нацелена на ликвидацию дагестанского многоязычия, то есть лишение дагестанцев-горожан своих родных языков.

Антинаучность данной идеи обусловлена тем, что ее автор не учитывает связи русского языка с самосознанием дагестанцев, с самоназванием их Родины, с объективной и исторически оправдавшей себя закономерностью приобщения дагестанцев к русскому языку.

О том, что дагестанцев характеризует дагестанское национальное самосознание, свидетельствуют культурные, или национальные, общества представителей разных дагестанских национальностей, живущих в разных регионах Российской Федерации и странах СНГ. Их много, остановимся на самом молодом из них. Это «Дагестанское культурное общество Эстонии», возглавляемое известным там бизнесменом Апанди Махмудовым. Оно создано в 2003 году. Важно подчеркнуть то, как он называет свое общество – «национальное»: «В апреле 2003 года мы создали свое национальное общество, в которое вошли почти 300 дагестанцев, представляющих 14 народностей» (газета «Дагестанская правда», 16 февраля 2005г.). По его словам, дагестанцы говорят: «Я – дагестанец и горжусь этим». Одной из целей образования общества считает А. Мах-

мудов передачу своей любви к Дагестану детям и внукам.

Дагестанцы, живущие в Эстонии, как братья, тянутся друг к другу, но не забывают о своей Родине. Их волнует судьба Дагестана.

Национальные, или культурные, сообщества дагестанцев – свидетельство единства дагестанского народа как интернациональной общности. Живя и трудясь или участь в инациональных регионах, дагестанцы не только демонстрируют свою дружбу, свое братство, но и всем своим поведением способствуют пропаганде межнациональной дружбы и в самих странах СНГ.

Дагестанцы как трудолюбивый и мирный народ вне своей Родины показывают себя с хорошей стороны, развеивая иллюзорный и аморфный образ «лица кавказской национальности». Отношение к дагестанцам в разных областях России и в ближнем зарубежье круто изменилось после того, как в августе-сентябре 1999 года они проявили себя именно как единый, сплоченный народ, защитив свою Родину от напавших на нее бандитов из Чечни. Воины Российской Армии и дагестанские ополченцы, да и мирное население районов, подвергшихся нашествию религиозных экстремистов и международных террористов, выступили как единая интернациональная патриотическая сила, которой не было бы, если в крови дагестанцев не было бы чувства единства, дружбы, патриотизма дагестанского народа. И это явилось неодолимой силой пассионарности дагестанского народа, вырвавшейся из него в момент опасности для Родины. И оно было заметно на фоне российского общества, впавшего в «фазу обскурации» (Л. Гумилев), в жизни которого узаконивается коррупция, все продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться, ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость в мнениях, а беспринципность,

а народ выглядит неполноценным, понятие патриотизма предано осмеянию...

Учитель, обучающий русскому языку, должен использовать любой значимый факт, свидетельствующий о реальности дагестанского народа и объективно освещать роль русского языка в его жизни.

Нет необходимости говорить о том, для чего дагестанцам нужен русский язык, но нельзя не понимать элементарной истины последствий ущемления его интересов для подрастающих поколений. Несравненное преимущество русского языка как средства межэтнического общения в Дагестане заключается в том, что он и вне своей республики служит дагестанцам тем же средством.

Возникает вопрос, кем же будет дагестанец как носитель нахдагского языка, как представитель новой нации? Его нетрудно представить как личность, лишенную исконных этнокультурных корней, корней традиционной духовности своего народа. Если же личность не несет в себе национальную идею, если его менталитет не выражает ее, то сообщество подобных личностей не может называться нацией или каким-нибудь родственным термином.

Приведенные материалы позволяют сформулировать феномен «дагестанский народ» с помощью его определяющих признаков:

- это полиэтническое многоединство, а не аморфная масса и не конгломерат механически скомпонованных этносов;
- это историческая общность, возникшая не века, а тысячелетия назад;
- это не этническое, а социокультурное образование;
- это интернациональная по возникновению и содержательной сути общность, не различающая свои составляющие по признаку: «коренные – некоренные»;
- это единый сплоченный народ со своей национальной идеей, чувством патриотизма, морально-этическим кодексом;

– это народ – носитель евразийского образа мыслей и евразийских духовно-эстетических признаков и поведенческих стереотипов;

– это народ – носитель русского языка как средства межнационального общения, четырнадцати национальных языков со своей письменностью и шестнадцати бесписьменных языков, носителей национально-русского двуязычия.

В чрезвычайных ситуациях, при необходимости отражения иноземной агрессии, ликвидации стихийного бед-

ствия разно-этнические дагестанцы добровольно шли на помощь друг другу, причем – что особенно примечательно – и тогда, когда оказание поддержки было связано с риском для жизни.

Таким образом, для целей воспитания языковой личности билингва в школах и вузах Дагестана понятие «дагестанский народ» нужно рассматривать с позиций исторически сформировавшейся и утвердившейся как морально-этическая норма поведения личности традиции взаимопомощи.

Библиографический список

1. Абдулатипов, Р. Г. Парадоксы суверенитета: перспективы человека, нации, государства // Р. Г. Абдулатипов / Парадоксы суверенитета: перспективы человека, нации, государства. – М., 1995.
2. Абдуллаев, А. А. Билингвистическая синонимия // А. А. Абдуллаев / Совершенствование преподавания русского языка в вузе и школе. – Махачкала, 1983. – С. 108-139.
3. Абдуллаев, А. А. О некоторых подходах к формированию языковой компетенции студентов // А. А. Абдуллаев / Насущные проблемы начального образования. – Махачкала, 2004. – С. 4-7.
4. Абдуллаев, А. А.; Юнусова, К. А. Русский язык как фактор идентификации дагестанского народа // А. А. Абдуллаев, К. А. Юнусова / Насущные проблемы начального образования. – Махачкала. – С. 24-29.
5. Алиев, М. Г. В поисках согласия // М. Г. Алиев / В поисках согласия. – Махачкала, 2002.
6. Бердяев, Н. А. Судьба России // Н. А. Бердяев / Судьба России. – М., 1990.
7. Дамаданова, Х. Д.; Магомедова, Х. А. Теоретические основы формирования гражданской идентичности младших школьников в условиях двуязычия // Х. Д. Дамаданова, Х. А. Магомедова, Л. С. Верхованова, М. В. Воронкова и др / Теория, методика и организация педагогической работы: монография / под общ. ред. С. С. Чернова – Книга 3. – Новосибирск: СИБПРИНТ, 2011. – С. 156-187.
8. Исрапилов, С. Основной инструмент – идеология единения // С. Исрапилов. Дагестанская правда. – 4 октября, 2002.
9. Магомедов, А. М. Религиозная толерантность в Дагестане // А. М. Магомедов / Воспитание патриотизма, дружбы народов, гражданственности. – М., 2003. – С. 89-92.
10. Магомедов, М. Г. Многоязычие Дагестана: благо или проблема? // М. Г. Магомедов / Молодежь Дагестана. – 2002. – № 36,37.
11. Магомедов, Р. М. Единство народов – великое благо Дагестана // Р. М. Магомедов / Единство народов – великое благо Дагестана. – Махачкала, 2004.
12. Никандров, Н. Д. Гражданское воспитание и религия // Н. Д. Никандров / Воспитание патриотизма, дружбы народов, гражданственности. – М., 2003. – С. 10-19.

Статью рекомендует канд. пед. наук, доц. И. А. Абрамова